

УДК 343.241

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ НАКАЗУЕМОСТИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА И НОВЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

А. В. ШИДЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются особенности пенализации и депенализации в белорусской уголовно-правовой политике, рассматривается природа дифференциации уголовной наказуемости деяний в дискурсе плюрализма научных методологий. Раскрываются основания распределения наказуемости в уголовном законе. Обосновывается авторское видение системы критериев обусловленности дифференциации уголовной наказуемости деяний на основе аксиологической и антропологической методологии в сочетании с материалистическим и конструктивистским мировоззренческими подходами. Доказывается существование четырехуровневой системы дифференцирующих критериев оценки дозирования законодателем наказания в новом измерении значимости подвергаемых охране социальных ценностей и интересов.

Ключевые слова: дифференциация уголовной наказуемости; критерии обусловленности; криминализация; декриминализация; пенализация; депенализация.

CONDITIONALITY OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL PUNISHABILITY: RETROSPECTIVE EXPERIENCE IN FORMATION OF THE NATIONAL CRIMINAL CODE AND NEW LEGISLATIVE DIMENSIONS

A. V. SHIDLOVSKY^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author examines the features of penalisation and depenalisation in the Belarusian criminal law policy, the author considers the nature of differentiation of criminal punishability of acts in the discourse of pluralism of scientific methodologies. The grounds for the distribution of criminal punishability in the criminal law are revealed. The author's vision of the system of criteria of conditionality of differentiation of criminal punishability of acts on the basis of axiological and anthropological methodology in combination with materialistic and constructivist worldview approaches is substantiated. The author proves the existence of a four-level system of differentiating criteria for evaluating the dosage of punishment by the legislator in a new dimension of the significance of social values and interests being protected.

Keywords: differentiation of criminal punishability; criteria of conditionality; criminalisation; decriminalisation; penalisation; depenalisation.

Образец цитирования:

Шидловский АВ. Обусловленность дифференциации уголовной наказуемости: ретроспективный опыт формирования национального уголовного кодекса и новые законодательные измерения. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2020;3:107–119.

For citation:

Shidlovsky AV. Conditionality of differentiation of criminal punishability: retrospective experience in formation of the national criminal code and new legislative dimensions. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2020;3:107–119. Russian.

Автор:

Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, доцент; первый заместитель директора Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции.

Author:

Andrey V. Shidlovsky, PhD (law), docent; first deputy director of the Institute for Retraining and Advanced Training of Judges, Employees of the Prosecutor's Office, Courts and Justice Institutions.
shidlovsky_a@mail.ru

Введение

Рациональная и справедливая дифференциация уголовной наказуемости преступных деяний в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) имеет большое общепредупредительное и профилактическое значение. В процессе осуществления пенализации (депенализации) в настоящее время назрела необходимость учитывать результаты обобщения всего массива норм, регулирующих вопросы уголовной противоправности и наказуемости деяний, и практики их применения на основе адекватной социальной, уголовно-политической, криминологической и уголовно-правовой комплексной оценки.

Нельзя сказать, что система Особенной части УК 1999 г. безукоризненна и лишена изъянов. Об этом свидетельствуют следующие факты. За 20-летнюю правоприменительную его историю было принято 73 закона о внесении изменений и дополнений в действующий УК и одно Заключение Конституционного Суда Республики Беларусь¹. Всего в уголовный закон внесены более 2000 поправок и различного рода новшеств. Частота внесения изменений в УК не может не настораживать и свидетельствует об утрате должной его системности как необходимого условия эффективного применения уголовного закона. Для иллюстрации приведем несколько примеров, касающихся неоправданных преобразований в системе Особенной части УК.

Первая редакция Особенной части УК 1999 г. насчитывала 344 уголовно-правовых запрета, предусмотренных в отдельных статьях². В настоящее время число запретов преступного поведения возросло до 362, и это, заметим, с учетом параллельно осуществляемой законодателем декриминализации ряда деяний. За этот период из УК было исключено 20 составов преступлений и введено 38 новых уголовно-правовых запретов. Итак, за 20 лет действия УК формула изменений норм-запретов в системе его Особенной части выглядит следующим образом: $(344 - 20) + 38 = 362$ (очевидное соотношение 1:2 в пользу криминализации деяний).

Значение Особенной части уголовного права для процесса пенализации и депенализации состоит главным образом в обеспечении законности и социальной справедливости применения мер уголовной ответственности.

Детерминация процессов (де)пенализации – это одна из сложнейших и не разрешенных до настоящего времени социально-правовых проблем. Здесь нет единства мнений ни в доктрине, ни в законотворческом процессе, ни в правоприменении.

Исследованию вопросов социального и криминологического обоснования и применения конкретных методологий на этапе законодательной дифференциации наказаний – установления соответствующего объема запрета общественно опасного деяния в санкциях Особенной части УК – в отечественной пенологии внимание вовсе не уделялось. Вместе с тем социальное и криминологическое объяснение и выявление природы пенализации (депенализации) с позиций аксиологических методологических подходов к пониманию ценностей, принимаемых в обществе, крайне актуально.

Дифференциация уголовной наказуемости тесно связана с пенализацией и выступает ее уголовно-политическим методом. Иначе говоря, метод дифференциации уголовной ответственности (наказуемости), как верно отметила Н. А. Лопашенко, «вырабатывает пути неодинакового... применения [наказания] в зависимости от наличия – отсутствия различных обстоятельств» [1, с. 189]. Дифференциацию уголовной наказуемости мы рассматриваем как центральный сегмент в распределении уголовной ответственности. Пенализация же, кроме механизма распределения (перераспределения) элементов карательного воздействия за предусмотренные в уголовном законе деяния, предполагает установление новой наказуемости как результата вводимого законодателем уголовно-правового запрета.

В доктрине уголовного права и криминологии чаще говорят о критериях и основаниях криминализации и декриминализации, а пенализация и депенализация чаще рассматриваются как явления производные. Действительно, вне сомнений, что криминализация и пенализация есть явления взаимосвязанные. Однако их основания и критерии не следует смешивать в силу наличия определенных особенностей в наборе детерминирующего комплекса этих явлений. Криминализация есть констатация в законе уголовной противоправности деяния и, как следствие, факта его наказуемости. Иными словами, криминализация – это процесс установления (создания) системы преступности, декриминализация – процесс исключения элементов из системы преступности. Пенализация – это определение конкретного содержания и пределов уголовной наказуемости на основе детерминирующего комплекса социальных критериев, о чем мы будем говорить позже.

Под основанием уголовно-правового запрета (криминализации) А. Г. Безверхов понимает «те

¹Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 нояб. 2019 г. № 253-З // ЭТАЛОН – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

²См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь [официальное издание] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г., одобр. Советом Респ. Нац. Собр. Респ. Беларусь 24 июня 1999 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 1999. 214 с.

явления и процессы, которые порождают потребность общества в уголовно-правовой охране наиболее важных социальных отношений и вызывают необходимость принятия, изменения или отмены уголовно-правовых норм, регулирующих эти отношения; <...> это то, что определяет или устраняет уголовную противоправность конкретных форм социального поведения» [2, с. 33]. Основание криминализации деяния определяет основание его пенализации. Следовательно, основанием для «дозирования» уголовной наказуемости (пенализации) является общественная опасность, заключающаяся в таких формах социального негативного поведения, причиняющих существенный вред (создающих угрозу его причинения) принятым в обществе социальным ценностям.

Основания и критерии обусловленности дифференциации уголовной наказуемости выступают

фундаментом всей теории пенализации деяний. Единое основание и вся система критериев, обуславливающих распределение в уголовном законе уголовной репрессии, следует оценивать в измерении ценностной парадигмы значимости подвергаемых охране социальных ценностей и интересов, отражающихся в определенных общественных отношениях.

Таким образом, можно сказать, пенализация есть правовое мерило криминализации. Пенализация как правовое явление относится к сегменту уголовно-правовой политики государства. Наиболее широкой сферой практической пенализации является законодательная и судебная практика. Рассмотрим некоторые аспекты пенализации и депенализации с применением метода дифференциации уголовной наказуемости в белорусском уголовном законодательстве.

Основная часть

Во всех цивилизациях наказуемость определялась в уголовно-правовых нормах в зависимости от значимости или степени важности той или иной ценности. Однако история показывает, что общество по-разному подходило к аксиологической оценке одних и тех же норм и, как следствие, к правовой охране за их нарушение [3, с. 767–768]. Поэтому шкала охраняемых государством ценностей отражается непосредственно в самом процессе пенализации. Иными словами, она реализуется в придании преступному деянию уголовной наказуемости в его карательной характеристике.

На различных этапах развития отечественного уголовного законодательства государство по-разному подходило к установлению системы уголовных наказаний, реализуя актуальные задачи и цели уголовной политики.

Истории уголовного законодательства известны случаи моделирования УК без Особенной части, т. е. без границ преступного поведения (перечня преступлений) и без «дозирования» наказуемости за общественно опасные деяния. В 1930 г. в Институте советского строительства и права был подготовлен проект УК СССР под руководством Н. В. Крыленко. Предлагаемый закон содержал только Общую часть, где определялись общие понятия (преступление, вина), примерный перечень преступлений (точнее – их названия) и такой же перечень наказаний. Основным признаком преступления предполагалась общественная (социальная) опасность или вредность (содержание законопроекта основывалось на принципе ответственности за «опасное состояние») [4, с. 723]. Разработчики проекта нового УК исходили из того, что все варианты преступного поведения учесть невозможно, поэтому достаточно было факта признания судом деяния общественно вредным. Так, Н. В. Крыленко, называя проект та-

кого Уголовного кодекса «кодексом без Особенной части и без дозировки», утверждал, что «уголовный закон должен дать в руки судьи-пролетария ориентировочный перечень преступлений... ориентировочный перечень мероприятий... и совокупность методических указаний, как подходить к каждому конкретному преступнику» [4, с. 723]. Надо отметить, что подобный подход имел в определенных кругах теоретическую поддержку (Е. Пашуканис, М. Климов, Я. Берман, С. Булатов, П. Кузьмин, А. Эстрин) [4, с. 723–724]. Позже, в 1937 г., Н. В. Крыленко признал теоретическую ошибочность своих взглядов [4, с. 723; 5, с. 586–587].

Приведенный подход имел очевидные для карательной практики государства риски, так как фактически допускал возможность «подогнать» любую схожую ситуацию под название соответствующего вида преступления, т. е. аналогию закона. И только с 1958 г. в отечественном уголовном праве от применения норм по аналогии отказались [5, с. 597; 6, с. 209].

Заметим, что в Уголовном кодексе БССР 1960 г. акценты были иными: вначале закон ставил под охрану государственные интересы (например, Особенную часть открывала глава 6 «Государственные преступления»), затем ставились под охрану коллективные интересы социалистического общества (глава 7 «Преступления против социалистической собственности») и только потом определялась защита частных интересов человека (глава 8 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности», глава 9 «Преступления против политических, трудовых, жилищных и иных прав граждан», глава 10 «Преступления против личной собственности граждан» и т. д.) [7].

В основе формирования составов преступлений и, соответственно, наказуемости, а также правовых

норм Общей части уголовного законодательства заложена шкала наиболее значимых для общества ценностей, которые взяты государством под особую охрану. В уголовном праве в этом случае традиционно стали говорить об объектах уголовно-правовой охраны.

Особенная часть УК включает в себя 10 разделов и 22 главы. Разделы и главы в УК 1999 г. размещены с учетом расстановки приоритетов уголовно-правовой охраны ценностей в современном белорусском обществе: *человечество – человек – общество – государство*. Особенная часть уголовного закона начинается разделами «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления», «Преступления против человека» и завершается посягательствами против государства, порядка управления, правосудия и интересов службы, а также против военной службы.

Необходимо также заметить, что законодательная дифференциация уголовной наказуемости проведена и в системе норм Общей части УК – в институтах назначения наказания, применения иных мер уголовной ответственности, освобождения от наказания и от уголовной ответственности.

Попытки законодателя установить уголовную ответственность путем конструирования большого количества специальных уголовно-правовых норм при наличии в УК общих составов, охватывающих соответствующие деяния, указывают на бессистемный и необоснованный процесс криминализации с целью заполнить новыми уголовно-правовыми запретами мнимые пробелы в законе. Как верно заметил А. В. Наумов, такая ситуация «ставит практических работников уголовной юстиции подчас в трудное положение и также не способствует эффективному применению уголовного закона...» [6, с. 572].

Приведем пример. При наличии общих уголовно-правовых норм о создании преступной организации либо участия в ней (ст. 285 УК), о создании незаконного вооруженного формирования (ст. 287 УК), об акте терроризма (ст. 289 УК) законодатель в 2014 г. включил серию из 5 новых специальных составов» (ст. 290-1 УК «Финансирование террористической деятельности», ст. 290-2 УК «Содействие террористической деятельности», ст. 290-3 УК «Прохождение обучения или иной подготовки для участия в террористической деятельности», ст. 290-4 УК «Создание организации для осуществления террористической деятельности либо участие в ней», ст. 290-5 УК «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации»), которые вполне охватываются при квалификации таких деяний упомянутыми выше запретами с учетом положений Общей части УК о соучастии, предварительной преступной деятельности и т. д.

В части пенализации этих посягательств обнаруживается определенная бессистемность. Так, новая уголовно-правовая норма, предусматривающая

ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 290-5 УК), казалось бы, должна быть направлена на усиление наказуемости (по сравнению с общей нормой ст. 285 УК «Создание преступной организации либо участие в ней», где в санкции по ч. 1 установлено *лишение свободы на срок от 5 до 13 лет* со штрафом или без штрафа), но почему-то она смягчает наказание: в ч. 1 санкция определяет *лишение свободы на срок от 8 до 12 лет со штрафом*, закрепляет в примечании отдельную стимулирующую норму об освобождении от уголовной ответственности для участников террористической организации, добровольно прекративших свою деятельность в ней. Для последнего примечания-нововведения вспомним о существовании общей нормы, регламентирующей в ст. 20 УК условия освобождения от уголовной ответственности участника преступной организации или банды, которая является универсальной и вполне подходит для такого рода случаев.

В уголовно-правовой доктрине российский исследователь А. И. Коробеев справедливо отмечает, что «процессу криминализации новых форм общественно опасного поведения должен соответствовать процесс декриминализации деяний, утративших ту степень общественной опасности, которая позволяла рассматривать их в качестве преступлений...», а ряд деяний с небольшой общественной опасностью «совершенно безболезненно могли бы быть переведены из категории преступлений в разряд административных проступков» [8, с. 11]. Автор приводит удачную ремарку к случаям «псевдопреступлений», когда «правоохранительные органы вынуждены “стрелять из пушек по воробьям”» [8, с. 12].

Меры правового воздействия в части юридической ответственности должны отвечать реальной степени опасности совершаемых правонарушений. Всесторонне взвешенная, обусловленная социальными, криминологическими и иными факторами, дифференциация юридической ответственности в целом по всем правонарушениям обеспечивает «разгрузку» уголовного законодательства и защиту прав и законных интересов человека, общества, государства. В связи с этим важно провести анализ процессов криминализации и пенализации по тем сегментам УК, где появилась серия новых псевдопреступлений (квазипреступлений), которые, по существу, являются дроблением одного общего преступления на несколько деяний с оформлением их в специальных нормах (например, ст. 290-1–290-5 УК).

Следует согласиться и с тем, что необходимость расширить сферу уголовной ответственности обусловлена рядом причин, в числе которых и появление новых общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой охране, или новых общественно опасных деяний, требующих уголовно-пра-

вовой реакции со стороны государства. Так, в современной доктрине стали говорить об актуальной перспективе установления уголовной ответственности за такие деяния, как клонирование людей (область медицины), модификация поведения (область психиатрии), нарушения в космической сфере и т. д. [8, с. 10, 13].

Как видим, правотворческий опыт в сфере уголовного законодательства показывает, что законодатель не всегда заботится о стабильности УК, превращая его в инструмент для решения текущих социально-экономических вопросов и ведомственных интересов, порой забывая о важности социальных и криминологических оснований создания уголовно-правовых норм.

Рассматривая критерии установления уголовной наказуемости в санкциях статей Особенной части УК, обратимся к диссертационному исследованию российского ученого А. Д. Нечаева, который предлагает по-новому и концептуально пересмотреть процессы криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации) в уголовном праве. Автор выделил два этапа (де)криминализации деяния: «этап определения необходимости в уголовно-правовом запрете (дейнджеризация деяния, то есть процесс и результат признания общественной опасности деяния) и этап определения его достаточности (адекватизация запрета, то есть процесс и результат признания уголовно-правового запрета в отношении такого деяния адекватным существующей системе общественных отношений)» [9, с. 199–200]. На этапе адекватизации запрета деяния в качестве принципов (де)криминализации А. Д. Нечаев предлагает использовать «принцип осуществимости уголовно-правового воздействия, принцип процедурной и процессуальной осуществимости, принцип соразмерности последствий криминализации и альтернативных средств регулирования и охраны» [9, с. 199–200]. Собственно, адекватизация запрета, по его мнению, охватывает три стадии: «...определение инструментальной способности уголовного права и системы уголовной юстиции противодействовать причинению вреда посредством запрещения заданного типа поведения; проверка инструментальной способности альтернативных средств предотвращать вред; оценка социальной затратности уголовно-правовых и альтернативных средств» [9, с. 161–197].

С определенной долей условности можно согласиться с автором в том, что, по сути, криминализация (в широком смысле) охватывает пенализацию, а последняя представляет собой финальный этап криминализации – определение адекватизации запрета существующей системе ценностей. В литературе подход к пониманию криминализации в широком значении, предполагающем включение таких составных элементов, как декриминализация, пенализация и депенализация, надо признать,

пользуется среди специалистов популярностью [10, с. 17–18; 9, с. 24].

Оценивая систему запретов, отраженную законодателем в санкциях белорусского УК, на предмет правоограничительно-устрашающей способности наказаний, возможности альтернативных средств предотвращать вред, степени их социально-экономической затратности в соотношении с уголовно-правовыми средствами, можно с уверенностью сказать, что сегодня она нуждается в концептуальном пересмотре.

Если посмотреть на пределы санкций статей Особенной части УК с позиции соотнесения характера и степени общественной опасности различных видов преступлений, то очевидно нарушение баланса внутри системы санкционного обеспечения преступлений. Некоторые хищения, организованные группой лиц либо совершенные в особо крупном размере, не связанные с применением насилия (например, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 210, ч. 4 ст. 212 УК), наказываются лишением свободы соответственно на срок от 5 до 13, от 5 до 12, от 6 до 15 лет. В то время как убийство без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 139 УК) наказывается лишением свободы на срок от 6 до 15 лет, бандитизм (ст. 286 УК) – лишением свободы на срок от 5 до 15 лет, захват заложника при наличии квалифицирующих обстоятельств (ч. 2 ст. 291 УК) – лишением свободы на срок от 6 до 12 лет, измена государству (ст. 356 УК) – лишением свободы на срок от 7 до 15 лет и т. д. Критерии законодательной оценки степени тяжести преступлений четко не выработаны, что требует серьезного научного изучения и прежде всего продуманного, сбалансированного подхода к установлению минимальных и максимальных границ санкций в статьях Особенной части УК [11, с. 75–79].

В науке уголовного права доказывается, что «широкие санкции не способствуют единообразию судебной практики... поскольку позволяют назначать различные наказания за сходные преступления при сходных же данных о личности виновного» и что «...именно судьи испытывают серьезные затруднения в процессе выбора конкретной меры наказания подсудимому при отсутствии более или менее ясных ориентиров, данных законодателем ...» [12, с. 240–241].

Представляется, что широта санкции в законе должна зависеть от категории преступления, основанной на характере и степени опасности, заключенной в причинении вреда признанному обществом благу (ценности). Как правило, чем менее опасно преступление, тем больший выбор наказаний для виновного должна содержать санкция статьи УК. Что касается единообразия судебной практики, отметим, что закон должен ориентировать судебную практику не на одинаковые наказания за сходные преступления, а обеспечивать единый подход в применении критериев определения мер наказаний.

Думается, преждевременно говорить о справедливости назначения меры наказания только с позиции формального уменьшения или увеличения законодателем пределов санкций без учета всех критериев принципа индивидуализации (в том числе характеристик личности виновного), иных принципов назначения наказания и целей уголовной ответственности [11, с. 75–79].

Наличие в ряде санкций, установленных в статьях Особенной части УК Беларуси за особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным посягательством на жизнь человека (например, ч. 2 ст. 139 УК), трех альтернативных видов основных наказаний – лишения свободы на срок от 8 до 25 лет (с самым широким диапазоном для усмотрения суда – 17 лет!), пожизненного заключения и смертной казни – не препятствует формированию единообразной судебной практики. Напротив, как показывает практика применения санкции ч. 2 ст. 139 УК за последние несколько лет в республике, единообразие в карательном подходе правосудия здесь достигает наибольшего результата в сравнении с карательной практикой по другим преступлениям.

Остановимся на выяснении социальной, уголовно-политической, криминологической и уголовно-правовой обусловленности природы дифференциации уголовной наказуемости как метода осуществления пенализации (депенализации) и ее функциональном влиянии в законодательном процессе на определение пределов и содержания санкций статей Особенной части УК.

Вначале выдвинем нашу идею и ее право на возможное практическое признание, прежде всего законодательное и судебное, и далее попытаемся доказать ее состоятельность.

Итак, по нашему убеждению, основания дифференцирующей пенализации (законодательной и судебной) обусловлены социальными, уголовно-политическими, криминологическими и уголовно-правовыми факторами. В сущности, они и образуют систему критериев, обуславливающих дифференциацию уголовной наказуемости. Раскроем некоторые аспекты смыслового значения указанных групповых элементов данной системы подробнее.

В этом плане нам более предметно доказывает свою позицию в докторской диссертации Е. В. Рогова, рассматривая наличие у законодателя полной и объективной информации о преступности в качестве условия эффективного процесса дифференциации уголовной ответственности [13, с. 19]. Так, упомянутый автор разрабатывает *систему критериев социальной и криминологической обусловленности дифференциации уголовной ответственности*, к которой относит количественную и качественную характеристику преступности, показателями которой выступают состояние, динамика, уровень и структура преступности, а также ее обоснованный криминологический прогноз; свойства личности преступ-

ника (социально-демографические характеристики, устойчивость антисоциальной направленности); соответствие основополагающим принципам уголовного права (законность, справедливость, равенство граждан перед законом, гуманизм); соответствие правосознанию населения, отражающему представление большинства граждан о положительных и отрицательных формах поведения, их общественной опасности и необходимости установления за их совершение уголовной ответственности с последующей ее дифференциацией [13, с. 19–20]. В качестве самих критериев дифференциации уголовной ответственности российский ученый называет характер и степень общественной опасности деяния, личность виновного и форму вины [13, с. 21]. Автор правильно, на наш взгляд, разделяет уголовно-правовые критерии дифференциации уголовной ответственности и критерии социальной, криминологической ее обусловленности.

Мы согласны с тем, что свойства личности преступника (его образ, криминальный портрет лица) – это самостоятельный критерий криминологической обусловленности дифференциации уголовной ответственности, который должен влиять на определение законодателем допустимых вариантов разрешения уголовно-правового конфликта. Однако когда речь идет об учете свойств личности виновного, то следует иметь в виду аспекты индивидуализации наказания или соответствующей иной меры уголовной ответственности по конкретному уголовному делу. Личность виновного есть уголовно-правовая категория и, по нашему мнению, критерий индивидуализации наказания (уголовной ответственности), на что также прямо указывает законодатель в ч. 1 ст. 62, ч. 1 ст. 77, ч. 1 ст. 78, ст. 79 УК. Данные о личности виновного, таким образом, детерминируют практическую составляющую (де)пенализации: в законодательном процессе выступают средством дифференциации уголовной наказуемости (ответственности) в статьях и частях Особенной части УК (например, признаки судимости, повторности, административной преюдиции); в судебной практике являются критерием индивидуализации меры наказания (ответственности).

В последние десятилетия криминологическую информацию о преступности (состоянии, динамике, уровне, структуре) правоохранные органы обобщают и фиксируют максимально развернуто и открыто (в том числе посредством публикации в СМИ). В практической работе правоохранных органов и теоретических исследованиях научно-образовательных учреждений всегда особое значение придается выявлению и изучению причин и условий, способствовавших совершению общественно опасных деяний. Однако эффективность дифференциации норм об уголовной ответственности от указанных факторов, увы, не только не повысилась. В отдельных случаях она, наоборот, указы-

вает на явную бессистемность и законодательные диспропорции в процессе пенализации (депенализации). Выходит, что при разработке проекта УК эти криминологические факторы не выступали в качестве базовых (непосредственных) оснований (критериев) криминологической обоснованности дифференциации уголовной ответственности. Приведем несколько фактов, доказывающих этот вывод.

Ряд составов преступлений, предусмотренных в действующем УК 1999 г., за 20 лет его действия не имеют вообще ни одного применения. Особенно это касается преступлений против мира, безопасности человечества, военных преступлений (главы 17, 18 раздела VI УК). Криминологическая информация о причинах и условиях совершения этих преступлений, о состоянии, динамике, уровне, структуре данного типа преступности в Республике Беларусь вообще отсутствует. Однако дифференциация уголовной наказуемости в УК (ни до его принятия, ни после) не пострадала от отсутствия подобной информации, и надо признать ее вполне рациональной и адекватной с точки зрения общественной опасности таких посягательств в практике мирового масштаба.

Следует согласиться с мнением И. М. Клейменова, что «преступность является одним из признаков и последствий криминализации», а криминализация «способствует эволюции преступности...» [14, с. 120]. В этом контексте сама криминализация, и, следовательно, пенализация выступают факторами, обуславливающими состояние, динамику, уровень и структуру преступности.

Представляется, что для признания количественных и качественных параметров преступности в качестве непосредственного критерия криминологической обусловленности норм, дифференцирующих уголовную наказуемость, в современных условиях потребуются пересмотр подходов к методикам анализа новой преступности и к пониманию ее характеристик. И. М. Мацкевич, исследуя тенденции и особенности феномена новой преступности, обоснованно констатирует, что «традиционный метод изучения преступности, связанный с анализом отдельного преступления и последовательным переходом к отдельным видам преступности и преступности в целом, сегодня вряд ли поможет в понимании сути происходящих изменений» [15, с. 164].

Взглянем на поднятую проблему с другой стороны. По количеству совершаемых и регистрируемых преступлений в Беларуси, равно как и в соседних государствах, кража (ст. 205 УК) традиционно ежегодно возглавляет «рейтинговую таблицу». Так должно ли количество краж, самого часто встречающегося и разнообразного по своей структуре, вариациям, комбинациям из всех совершаемых преступлений, влиять на дифференциацию наказуемости и каким образом (в сторону уменьшения или увеличения санкции, расширения диапазона

наказуемости, конструирования новых квалифицированных составов и пр.)? Думается, нет. В санкциях ч. 1–4 ст. 205 УК диапазон наказаний по видам и срокам (размерам) более чем достаточный, позволяющий максимально обеспечивать индивидуализацию меры наказания и уголовной ответственности с учетом всех свойств личности виновного. Заметим, что относительно определенная санкция в ч. 1 ст. 205 УК называет 6 альтернативных видов наказаний (не считая возможности применения иных мер уголовной ответственности по ст. 77–79, 117 УК) с максимальным порогом лишения свободы до 3 лет. Широта пределов санкции здесь позволяет усмотрению суда избирать мерило уголовной ответственности при любом варианте кражи, соразмерное виновности лица. Отсюда видим, что корреляция криминологической информации с нормами, дифференцирующими уголовную ответственность за кражу по указанным критериям, прямо не прослеживается. Очевидно, что количественные показатели данного вида преступлений не влияли на установление и дифференциацию наказуемости. Законодатель руководствовался иными, но одинаковыми критериями, как и при конструировании санкций с наименьшими количественными показателями в государственной статистике.

Итак, реакция законодателя на реальную картину преступности, основанную на учете криминологической информации, социально-политических, экономических условиях жизни общества, вне всяких сомнений, необходима, но она должна быть при этом адекватной, соответствующей принятой системе ценностей. Устанавливая наказания и иные меры уголовной ответственности, государство ориентируется на решение задачи по исправлению преступника и предупреждению совершения противоправных действий как с его стороны, так и со стороны других лиц.

Необходимо понимать важность различия между причинами и условиями, способствовавшими совершению общественно опасного деяния и, собственно, детерминантами дифференциации уголовной ответственности и (де)пенализации деяний. Причины и условия преступности есть предмет изучения криминологии. Детерминантами (де)пенализации выступают определенные поводы, основания и факторы (причины и условия). В последнем случае речь идет о механизмах осуществления уголовной политики с использованием метода (де)пенализации. На этот вопрос обратил внимание в российской литературе А. Д. Нечаев, выделив детерминанты (де)криминализации в самостоятельную систему [9, с. 59–67, 199].

Говоря о причинах и основаниях криминализации деяний, Я. И. Гилинский (известный в современной доктрине своим вкладом в развитие конструктивистского типа научного познания) пишет: «Какие деяния столь “общественно опасны”,

что должны быть криминализованы (возведены в статус преступления)? <...> четких критериев тому нет ни в отечественной, ни в мировой практике. Законодатель по собственному разумению (точнее, под давлением осознаваемых интересов власти, режима, учитывая исторический опыт, “требования народа”, СМИ и т. п.) криминализирует те или иные деяния» [16, с. 102].

Пенализация и депенализация с позиции уголовно-политического дискурса – это процесс, который предполагает конкретные результаты: установление новой уголовной наказуемости деяний (введение новой санкции в статью Особенной части УК), изменение предусмотренной в законе уголовной наказуемости (как в сторону уменьшения объема, так и в сторону его увеличения), исключение уголовной наказуемости. Поэтому базовым основанием (де)пенализации во всех случаях, на наш взгляд, является величина общественной опасности деяния, измеряемая шкалой нарушенных ценностей, принятых в обществе. Поводом (де)пенализации служит юридический факт, т. е. наличие действия соответствующего субъекта законодательной инициативы, в котором выражена социальная готовность к решению вопроса об уголовной наказуемости соответствующего деяния.

Детерминирующие факторы (де)пенализации объясняют социальную обусловленность инициирования этого процесса, выявляют потребность (либо ее отсутствие) в уголовной наказуемости. Так, к причинам (де)пенализации следует относить социальные явления внешнего мира, которые порождают необходимость исключения (установления) уголовно-правового запрета. Данные социальные явления, можно сказать, находятся в генеологической связи с последующими результатами (де)пенализации. Способствуют воздействию на указанный процесс внутренние социальные предпосылки, т. е. условия (де)пенализации (например, продвижение законодателями инициатив и идей в отношении деяний, получивших определенный общественный резонанс).

Критерий социальной обусловленности норм, дифференцирующих уголовную ответственность, во многом формируется правосознанием населения. Восприятие населением той или иной формы общественно опасного поведения, преломляясь в ценностной парадигме морально-нравственных, гражданских и общественно-политических представлений, отражает социальную оценку адекватности ранжирования наказаний, иных мер уголовной ответственности, альтернативных мер уголовно-правового воздействия.

Говоря об эффективности уголовного закона, профессор А. Л. Савенок делает верное заключение: «...правосознание является социально-психологическим основанием уголовно-правового запрета.

<...> Именно правосознание координирует характер правового регулирования различных видов социального взаимодействия. <...> Действующий уголовный закон должен находиться в определенной гармонии с общественным правосознанием» [17, с. 118–129].

Большинство граждан интересует вопрос, защищен ли человек от преступного беспредела и в какой степени? Взгляд обывателя на возмездие и уголовную кару как средство искоренения преступности, естественно, оправдывает любую репрессивность действующего УК, которая на порядок выше, чем в предыдущих уголовных кодексах. Сроки лишения свободы в УК 1999 г., например, по верхнему пределу увеличены до 25 лет (в Уголовном кодексе БССР 1960 г. они составляли 15 лет) за единичное преступление. Вместе с тем действующий УК предусматривает, например, новый вид наказания – пожизненное заключение как исключительную меру и альтернативу смертной казни. В этой части уголовной наказуемости жесткость уголовного закона смягчается.

В любом случае общественное обсуждение новых предложений по пенализации и депенализации деяний полезно, особенно при подготовке законопроектов о криминализации и пенализации новых деяний, декриминализации и депенализации деяний, утративших общественную опасность.

В белорусской теории уголовного права обосновывается правовая модель эффективности формирования уголовного закона (автор – профессор А. Л. Савенок). В процессе формирования уголовного закона ученый выделяет два этапа: «1) определение объективных потребностей в правовой регламентации общественных отношений; 2) нормотворчество, то есть установление уголовно-правовых норм» [17, с. 208]. В своем исследовании А. Л. Савенок убедительно доказывает, что «при формировании уголовного закона доминирующее значение имеют две группы факторов: социальные (*социальная обусловленность*), которые при криминализации лежат в основе построения структуры Особенной части уголовного закона, и криминологические (*криминологическая обусловленность*)»¹ [17, с. 208]. Под социальной обусловленностью уголовного закона ученый понимает «его соответствие объективным потребностям и тенденциям общественного развития, а также уровню правосознания населения» [17, с. 109]. Составной частью социальной обусловленности уголовного закона «является изучение зависимости его содержания от количественных и качественных показателей преступности» (криминологическая обусловленность) [17, с. 109, 118, 208].

Параллельно А. Л. Савенок замечает: «Имеющиеся методики не позволяют выявить зависимость процессов криминализации или декриминализации конкретных деяний от количественных и каче-

¹Здесь и далее курсив в цитатах наш. – А. Ш.

ственных показателей преступности, что свидетельствует об отсутствии механизма учета и реализации криминологических данных. Следовательно, изучение зависимости содержания уголовного закона от объема (состояния), интенсивности (уровня), динамики и структуры преступности находится лишь на начальном этапе» [17, с. 208–209].

По нашему мнению, базовым критерием как социальной, так и уголовно-политической обусловленности норм, дифференцирующих уголовную наказуемость, является система объектов, признаваемых в обществе наиболее ценными и значимыми, а потому нуждающимися в особой, уголовно-правовой, охране. Именно об этом говорит профессор И. О. Грунтов в своей монографии, посвященной вопросам учета объектов уголовно-правовой по содержанию или социальной ценности при конструировании составов посягательств, а также общих уголовно-правовых норм [18, с. 5–39, 150–197].

Понимание системы и иерархии ценностей, а соответственно, и общественной опасности посягательств на них, есть явление, исторически изменяющееся. Научно-технический прогресс и развитие самого общества, естественно, вносят коррективы в критерии преступности и наказуемости. Поэтому изучение социальных факторов, объясняющих степень значимости в обществе того или иного объекта и составляющих его содержание элементов, позволяет более правильно и всесторонне подойти к поиску критериев, находящихся в основе зарождения уголовно-правовых норм о наказуемости преступлений.

Законодательные инновации и тенденции пенализации, ориентированные на ужесточение ряда санкций в действующем УК (преступления против здоровья населения, коррупционные преступления и др.), в последнее время нельзя признать оправданными хотя бы потому, что судебная практика не исчерпала весь карательный потенциал предусмотренной законом уголовной ответственности и содержащиеся в нем варианты альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта. Внутри самих мер уголовного наказания и ответственности также имеются неиспользуемые на практике возможности, предусмотренные уголовным законом. Так, соотношение минимального размера штрафа (50 базовых величин (ст. 50 УК) × 27 бел. руб. (1 базовая величина) = 1350 бел. руб.) и размера бюджета прожиточного минимума (в среднем на душу населения он постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 22 января 2020 г. № 6 установлен в размере 239 руб. 87 коп.) во многом объясняет препятствия для расширения сферы применения этого вида наказания за те преступления, где это было бы справедливым.

Остаются неоправданно высокими сроки назначения наказаний в виде лишения свободы по до-

статочно большому кругу преступлений (например, экономическим, экологическим), что нельзя признать экономически рациональным и социально обоснованным (увеличение криминализации населения и т. п.). Популярная практика назначения наказания в виде лишения свободы ежегодно приводит к насыщению общества людьми с пенитенциарной судимостью. Увеличение такой категории населения для развития Республики Беларусь как с социально-экономической, так и морально-нравственной, идеологической, политической позиций крайне проблемно и бесперспективно.

В качестве самостоятельного критерия *социальной обусловленности* норм, дифференцирующих меры уголовной ответственности и уголовно-правового воздействия, считаем целесообразным рассматривать *социальное прогнозирование* экономической и социальной затратности устанавливаемых в законе мер принуждения.

Важнейшим критерием *криминологической обусловленности* дифференциации в законе мер уголовной ответственности и уголовно-правового воздействия является *криминологическое прогнозирование* обеспечения правоприменительной индивидуализации меры уголовной ответственности и достижения ею обозначенных в законе целей в отношении виновного лица.

Критерии уголовно-политической обусловленности, имеющие социальную подоплеку, определяют и выражают как криминологические, так и уголовно-правовые параметры измерения наказуемости деяний.

В уголовно-политическом дискурсе (де)пенализация – это метод осуществления уголовной политики, специальный метод по отношению к общеправовому методу дифференциации ответственности. На уголовно-политический аспект ранжирования в законе наказуемости за деяния влияет комплекс социальных факторов (основания и критерии).

Цели и принципы уголовной ответственности как определяющие критерии уголовно-политической обусловленности всецело должны быть основаны на ценностной парадигме общественных отношений. Вся система компонентов дифференциации уголовной наказуемости (ответственности) в уголовном законодательстве (в том числе институт назначения наказания) зиждется на содержании целей уголовной ответственности и социальных интересах обеспечения безопасности граждан и общества в целом [19, с. 272].

Серьезный социальный и уголовно-политический фундамент в объяснении рационального подхода к созданию уголовно-правовых норм, в которых законодатель осуществляет ранжирование мер ответственности, образует наличие в законе альтернативных механизмов разрешения уголовно-правового конфликта. Представляется, наличие или отсутствие системы альтернативных уголовной

ответственности мер позволяет более сбалансированно оценить подход к конструированию дифференцирующих ее норм уголовного закона.

Остановимся на еще одном аспекте, менее популярном в исследованиях проблем пенализации (депенализации) и дифференциации уголовной ответственности. В Особенной части действующего УК предусмотрен ряд примечаний как к отдельным статьям, так и к некоторым главам и даже разделам, что «позволяет придать формальную определенность отдельным признакам составов преступлений, установить особые условия ответственности, предусмотреть специальные основания освобождения от ответственности и т. п.» [20, с. 20]. Примером этому являются примечания к главе 24 «Преступления против собственности», главе 35 «Преступления против интересов службы», разделу X «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения».

Примечания внутри Особенной части УК образуют своеобразную дифференцирующую систему норм, среди которых можно выделить две разновидности: *разъяснительные*, в которых раскрывается содержание отдельных признаков составов преступлений (например, размер имущественного ущерба или дохода, полученного преступным путем), и *поощрительные (стимулирующие)*, где законодатель закрепляет особые условия освобождения от уголовной ответственности.

Критерии уголовно-правовой обусловленности. Особенная часть УК является юридической платформой для пенализации деяний, дифференциации уголовной наказуемости в санкциях. Нормы этой части уголовного закона образуют единство с положениями его Общей части, так как они применяются на основе данных положений и в сочетании только с ними. Взаимосвязь Общей и Особенной частей УК объясняется комплексным характером уголовно-правовых норм. Так, в диспозициях статей Особенной части УК описываются признаки конкретных составов преступлений, однако они не исчерпывают всех конститутивных его признаков [21, с. 6–7].

Уголовная противоправность как критерий уголовно-правовой обусловленности дифференциации уголовной наказуемости в определенных случаях может влиять на гибкость ее пределов. Дело в том, что уголовная противоправность не всегда в уголовном законе жестко установлена: ее границы могут сдвигаться в зависимости от изменения в нормах права подхода к нарушению правил, предусмотренных регулятивным и охранительным неуголовным законодательством. Так, определенной дифференцирующей спецификой в системе Особенной части УК обладают уголовно-правовые нормы бланкетного происхождения. Многие диспозиции статей, описывающие преступления, являются бланкетными. Для уяснения содержания признаков таких пре-

ступлений необходимо обращаться к действующим нормам других отраслей национального права и законодательства. Поэтому составы конкретных преступлений (например, ряда экономических и экологических) могут быть образованы исключительно в интегрированной системе признаков диспозиций статей Особенной части УК и норм иных нормативных правовых актов (как правило, регулятивного характера), в которых раскрывается содержание признака противоправности или детализируется природа противоправного поведения. Вопрос о дифференциации наказуемости в таких нормах зависит от регулятивной сферы права.

Таким образом, изменения в позитивном законодательстве непосредственно влияют на содержание и границы уголовно-правового запрета и, следовательно, детерминируют диапазон наказуемости (особенно в части практической (де)пенализации).

Совокупность признаков конкретного общественно опасного деяния не стоит, по нашему мнению, целиком относить к непосредственному критерию криминологической обоснованности, так как с их помощью описывается сама криминализация деяния, детализируется его типовая уголовно-правовая модель. Вряд ли все признаки преступного поведения в каждом случае его проявления, особенно формальные – описывающие внешнюю сторону (например, тяжесть последствий неосторожного преступления), – что-либо криминологически обосновывают и объясняют. Признаки преступного деяния, констатирующие лишь конкретное нарушение и его последствия, т. е. описывающие его уголовную противоправность, скорее являются уголовно-правовой (законодательной) идентификацией такого деяния, поэтому весьма сомнительным представляется их совокупное отнесение к непосредственным критериям криминологической обоснованности дифференциации в нормах уголовной ответственности. Объем причиненного преступным деянием вреда сам по себе уже есть объективное мерило уголовной наказуемости, он отражает количественную (внешнюю) сторону общественной опасности (например, водитель, садясь за руль своего автомобиля вместе семьей, не задумывается, к каким последствиям может привести малейшая его невнимательность, отвлеченность, ошибка). Для целей обоснования дифференциации уголовной наказуемости деяния видится перспективным осуществлять уголовно-правовой поиск в недрах материального признака (общественной опасности деяния), признака виновности и характеристик личности виновного.

Интересно, что сами разработчики УК 1999 г. ставили перед собой задачу «обеспечить глубокую дифференциацию уголовной ответственности с учетом характера и степени тяжести преступлений, личности преступника» [20, с. 3–4]. Базовым

уголовно-правовым критерием дифференциации уголовной ответственности в документе выступает тяжесть преступления (характер и степень), основанная на свойствах нарушенного объекта (ценности, блага, интереса) и масштабе вреда, опасности деяния для общества. *Личность преступника* проектантами рассматривалась как *криминологический критерий* законодательного ранжирования уголовной ответственности.

Изложенное убеждает нас в том, что дифференциация уголовной наказуемости (ответственности) – это прежде всего уголовно-правовое явление, которое следует рассматривать как метод реализации уголовно-правовой политики, основанный на ценностной парадигме общественных отношений и обусловленный социальными, уголовно-политическими, криминологическими и уголовно-правовыми факторами.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, с убеждением приходим к выводу о том, что совершенствование положений УК 1999 г. и общепринятых научно обоснованных идей в части развития пенализации в сфере уголовно-правовой политики должно осуществляться на основе методологического плюрализма (сочетающего материалистические, аксиологические, антропологические, конструктивистские типы мировоззрения). При этом одно из центральных мест в современном учении о наказании, думается, по праву должны занять аксиологическая и антропологическая методологии [22, с. 347].

Законодательные подходы к конструированию санкций значительного круга статей Особенной части УК нуждаются в пересмотре с учетом требований основных начал назначения наказания, возможностей достижения целей уголовной ответственности и адекватной реализации принципов законности и справедливости при установлении наказаний за преступления на основе предлагаемой нами методологии и системы критериев социальной, уголовно-политической, криминологической, уголовно-правовой обусловленности норм,

дифференцирующих уголовную наказуемость (ответственность).

Систему критериев, влияющих на процессы пенализации и депенализации в национальном законодательстве, обуславливающих дифференциацию уголовной наказуемости (ответственности), образуют в едином комплексе четыре взаимосвязанные группы факторов: социальные, уголовно-политические, криминологические и уголовно-правовые. Представляется, для совершенствования законотворческого процесса в уголовно-правовой сфере необходимо при создании новой нормы, устанавливающей, изменяющей или исключаяющей уголовную наказуемость, подвергать ее анализу с позиций системы критериев социальной, уголовно-политической, криминологической и уголовно-правовой обусловленности на основе аксиологической и антропологической методологии в сочетании с материалистическим и конструктивистским типами мировоззрения.

Весь комплекс обозначенных критериев обусловленности уголовно-правовых норм, дифференцирующих наказуемость и ответственность, основан на парадигме ценностного измерения явлений.

Библиографические ссылки

1. Лопашенко НА. *Уголовная политика*. Москва: Волтерс Клувер; 2009. 608 с.
2. Безверхов АГ. *Криминологические основания уголовно-правового запрета*. В: Комиссарв ВС, редактор. *Криминологические основы уголовного права: материалы X Российского конгресса уголовного права; 26–27 мая 2016 г.; Москва, Россия*. Москва: Юрлитинформ; 2016. с. 33–36.
3. Шидловский АВ. О методологии систематизации уголовного законодательства и ее влиянии на ранжирование наказаний. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе: сборник научных трудов, посвященный доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Республики Беларусь С. Г. Дробязко. Выпуск 13*. Минск: Колорград; 2018. с. 767–774.
4. Наумов АВ. *Преступление и наказание в истории России. Часть 1*. Москва: Юрлитинформ; 2015. 752 с.
5. Беляев НА, Шаргородский МД, редакторы. *Курс советского уголовного права. Том 2. Часть Общая*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1970. 672 с.
6. Наумов АВ. *Преступление и наказание в истории России. Часть 2*. Москва: Юрлитинформ; 2015. 656 с.
7. Шадырко СТ, редактор. *Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР*. Минск: БГУ им. В. И. Ленина; 1971. 392 с.
8. Коробеев АИ, редактор. *Полный курс уголовного права. Том 2. Преступления против личности*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2008. 682 с.
9. Нечаев АД. *Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний*. Москва: Юрлитинформ; 2018. 320 с.
10. Кудрявцев ВН, Яковлев АМ, редакторы. *Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация*. Москва: Наука; 1982. 303 с.
11. Шидловский АВ. О реализации принципа законности при установлении лишения свободы в санкциях уголовного закона. *Право.бу*. 2018;4:75–79.

12. Лесниевски-Костарева ТА. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. Москва: Норма; 1998. 400 с.
13. Рогова ЕВ. Учение о дифференциации уголовной ответственности [диссертация]. Москва: Академия управления МВД России; 2014. 596 с.
14. Клейменов ИМ. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации [диссертация]. Омск: Омская академия МВД; 2015. 486 с.
15. Мацкевич ИМ. Новая преступность. В: Комиссаров ВС, редактор. Криминологические основы уголовного права: материалы X Российского конгресса уголовного права; 26–27 мая 2016 г.; Москва, Россия. Москва: Юрлитинформ; 2016. с. 160–164.
16. Гишинский ЯИ. Уголовное право: возможности и пределы. В: Гишинский ЯИ. Девуантность, преступность и социальный контроль в «новом мире». Санкт-Петербург: Алеф-Пресс; 2012. 352 с.
17. Савенок АЛ. Теория эффективности уголовного закона. Минск: Академия МВД; 2017. 258 с.
18. Грунтов ИО. Объект уголовно-правовой охраны и конструирование составов преступлений и правовых норм Общей части уголовного законодательства. Минск: БГУ; 2017. 199 с.
19. Шидловский АВ. Социально-криминологическая обусловленность формирования института назначения наказания. В: Комиссаров ВС, редактор. Криминологические основы уголовного права: материалы X Российского конгресса уголовного права; 26–27 мая 2016 г.; Москва, Россия. Москва: Юрлитинформ; 2016. с. 269–272.
20. Барков АВ. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. Обзорная статья. В: Уголовный кодекс Республики Беларусь. Минск: Амалфея; 1999. с. 3–26.
21. Бабий НА, Грунтов ИО, редакторы. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть. Минск: Новое знание; 2002. 912 с.
22. Шидловский АВ. Ценностные основания правового ранжирования уголовной наказуемости. В: Павлов ВИ, Савенок АЛ, редакторы. Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования. Минск: Академия МВД; 2019. с. 347–354.

References

1. Lopashenko NA. *Ugolovnaya politika* [Criminal policy]. Moscow: Walters Kluwer; 2009. 608 p. Russian.
2. Bezverkhov AG. [Criminological grounds of criminal law prohibition]. In: Komissarov VS, editor. *Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava: materialy X Rossiiskogo kongressa ugovnogo prava; 26–27 maya 2016 g.; Moskva, Rossiya* [Criminological foundations of criminal law: materials of the 10th Russian congress of criminal law; 2016 May 26–27; Moscow, Russia]. Moscow: Yurlitinform; 2016. p. 33–36. Russian.
3. Shidlovsky AV. [On the methodology of systematization of criminal legislation and its impact on the ranking of punishments]. In: Karpovich NA, editor. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi doktoru yuridicheskikh nauk, professory, zasluzhennomu yuristu Respubliki Belarus’ S. G. Drobyazko. Vypusk 13* [Law in modern Belarusian society: a collection of scientific papers dedicated to the doctor of law, professor, honored lawyer of the Republic of Belarus S.G. Drobyazko. Issue 13]. Minsk: Kolodgrad; 2018. p. 767–774. Russian.
4. Naumov AV. *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii. Chast’ 1* [Crime and punishment in the history of Russia. Part 1]. Moscow: Yurlitinform; 2015. 752 p. Russian.
5. Belyayev NA, Shargorodskii MD, editors. *Kurs sovetskogo ugovnogo prava. Tom 2. Obshchaya chast’* [Course of Soviet criminal law. Volume 2. Part General]. Leningrad: Izdatel’sstvo Leningradskogo universiteta; 1970. 672 p. Russian.
6. Naumov AV. *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii. Chast’ 2* [Crime and punishment in the history of Russia. Part 2]. Moscow: Yurlitinform; 2015. 656 p. Russian.
7. Shadyrko ST, editor. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Belorusskoi SSR* [Commentary on the Criminal Code of the Belarusian SSR]. Minsk: V. I. Lenin Belarusian State University; 1971. 392 p. Russian.
8. Korobeev AI, editor. *Polnyi kurs ugovnogo prava. Tom 2. Prestupleniya protiv lichnosti* [Full course of criminal law. Volume 2. Crimes against the person]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2008. 682 p. Russian.
9. Nechaev AD. *Kontseptual’nye osnovy kriminalizatsii i dekriminalizatsii deyanii* [Conceptual foundations of criminalization and decriminalization of acts]. Moscow: Yurlitinform; 2018. 320 p. Russian.
10. Kudryavtsev VN, Yakovlev AM, editors. *Osnovaniya ugovno-pravovogo zapreta. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [Grounds for a criminal prohibition. Criminalization and decriminalization]. Moscow: Nauka; 1982. 303 p. Russian.
11. Shidlovsky AV. [On the implementation of the principle of legality in establishing deprivation of liberty in the sanctions of the criminal law]. *Pravo.by*. 2018;4:75–79. Russian.
12. Lesnievski-Kostareva TA. *Differentsiatsiya ugovnoi otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel’naya praktika* [Differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative practice]. Moscow: Norma; 1998. 400 p. Russian.
13. Rogova EV. *Uchenie o differentsiatsii ugovnoi otvetstvennosti* [The doctrine of differentiation of criminal responsibility] [dissertation]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii; 2014. 596 p. Russian.
14. Kleimenov IM. *Sravnitel’naya kriminologiya: kriminalizatsiya, prestupnost, ugovnaya politika v usloviyakh globalizatsii* [Comparative criminology: criminalization, criminality, criminal policy in the context of globalization] [dissertation]. Omsk: Omskaya akademiya MVD; 2015. 486 p. Russian.
15. Matskevich IM. [New crime]. In: Komissarov VS, editor. *Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava: materialy X Rossiiskogo kongressa ugovnogo prava; 26–27 maya 2016 g.; Moskva, Rossiya* [Criminological foundations of criminal law: materials of the 10th Russian Congress of criminal law; 2016 May 26–27; Moscow, Russia]. Moscow: Yurlitinform; 2016. p. 160–164.
16. Gilinskii YaI. [Criminal law: opportunities and limits] In: Gilinskii YaI. *Deviantnost’. Prestupnost’ i sotsialnyi kontrol’ v «novom mire»*. [Deviance, crime and social control in the «new world»]. Saint Petersburg: Alef-Press; 2012. 352 p. Russian.
17. Savenok AL. *Teoriya effektivnosti ugovnogo zakona* [Theory of the effectiveness of criminal law]. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs; 2017. 258 p. Russian.

18. Gruntov IO. *Ob'ekt ugodovno-pravovoi okhrany i konstruirovaniye sostavov prestupleniy i pravovykh norm Obshchei chasti ugodovnogo zakonodatel'stva* [The object of criminal legal protection and the construction of elements of crimes and legal norms of the General part of criminal legislation]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 199 p. Russian.

19. Shidlovsky AV. [Socio-criminological conditionality of the formation of the institution of sentencing]. In: Komissarov VS, editor. *Kriminologicheskie osnovy ugodovnogo prava : materialy X Rossiiskogo kongressa ugodovnogo prava; 26–27 maya 2016 g.; Moskva, Rossiya* [Criminological foundations of criminal law: materials of the 10th Russian congress of criminal law; 26–27 May 2016; Moscow, Russia]. Moscow: Yurlitinform; 2016. p. 269–272. Russian.

20. Barkov AV. [Criminal Code of the Republic of Belarus of 1999. Review article]. In: *Ugodovnyi kodeks Respubliki Belarus'* [Criminal Code of the Republic of Belarus]. Minsk: Amalfeya; 1999. p. 3–26. Russian.

21. Babiy NA, Gruntov IO, editors. *Ugodovnoye pravo Respubliki Belarus'. Osobennaya chast'* [Criminal law of the Republic of Belarus. Special part]. Minsk: Novoe znanie; 2002. 912 p. Russian.

22. Shidlovsky AV. [Value bases of legal ranking of criminal punishability]. In: Pavlov VI, Savenok AL, editors. *Chelovek i pravo: problema tsennostnykh osnovanii pravovogo regulirovaniya* [Man and law: the problem of value bases of legal regulation]. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs; 2019. p. 347–354. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.07.2020.
Received by editorial board 06.07.2020.